

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2

КАТЕГОРИЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ: СТАТУС, СОСТАВ, УРОВНИ РЕАЛИЗАЦИИ

Э.Н. Акимова

В статье рассматриваются вопросы генезиса, статуса, состава функционально-семантической категории обусловленности; описывается явление синкретизма семантических составляющих категории; устанавливаются уровни экспликации обусловленности, в том числе релевантный для языковой диахронии мегатекстовой уровень.

Ключевые слова: категория обусловленности, партиципация, функционально-семантическое поле, синкретизм, уровни экспликации.

Понятие «обусловленность» связано с понятием «партиципация», характерным для архаических культур, основанных на мифопоэтическом мирозерцании их носителей. Партиципация – это «причастность» (одного события другому).

В средневековом сознании на ее основе формируется категория обусловленности, которая сопрягает события, явления в иерархической зависимости и в которой «причастность» одного события, явления другому осмысливается более тесно и намечаются модулы этой причастности (с точки зрения времени, причины, цели, условия, уступки).

Данное положение соотносится с сформулированной в 1910–1920 гг. Л. Леви-Брюлем концепцией, согласно которой людям традиционных обществ присуще дологическое («prelogique») мышление, не способное к усмотрению противоречивости явлений и процессов и управляемое мистическими переживаниями сопричастия («participation») [18].

Как объект лингвистического исследования категория обусловленности имеет два аспекта: универсально-понятийный и конкретно-языковой.

Статус обусловленности как универсальной мыслительной категории определяется прежде всего характером человеческого мыш-

ления, поскольку в каждом или в большинстве языков эта категория находит то или иное выражение. Весьма показательным, что А. Вежбицка, описывая фундаментальные человеческие концепты, являющиеся, по ее мнению, «врожденными... частью генетического наследия человека», и утверждая, что «существует не только врожденный и универсальный лексикон человеческих мыслей, но и врожденный и универсальный синтаксис человеческих мыслей» [6, с. 17, 26], в список из 37 элементов естественного семантического метаязыка (ЕСМ) включает «интерклаузальные связки» *если, если бы, потому что / из-за*, явно связанные с семантикой обусловленности.

Общность семантики, то есть наличие семантического инварианта обусловленности, раскрывающегося в ряде более частных семантических категорий (причинности, цели, условия, уступки), и взаимодействие языковых средств (их сочетаемость / несочетаемость в тексте, возможность замены одного средства другим в определенных условиях) и дает основание для интерпретации обусловленности в русском языке как функционально-семантической категории (подробнее о термине см.: [3]).

Категория обусловленности как сложнейшее, иерархично структурированное ментально-языковое образование в истории отечественной лингвистической науки была осознана довольно поздно, во второй половине XX в., хотя понимание совокупности значений условия, уступки, цели, причины и следствия

как некоего семантического единства находим практически сразу, как только русское языкознание осознало свой предмет и появились первые грамматические труды.

Уже во львовской (1591 г.) и виленской (1596 г.) грамматиках, Грамматике М. Смотрицкого (1619 г.), в «Русской грамматике» Лудольфа (1696 г.), грамматике Феодора Максимова (1723 г.) появляются упоминания о группах союзов обусловленности, в частности причинных, или, как их тогда называли, винословных (виновных), исследуется их синонимия.

К середине XIX в. относятся попытки определить круг отношений обусловленности путем связи причинно-следственных отношений со смежными по смыслу. Наиболее широко толкование этих отношений давали Н.И. Греч в «Практической русской грамматике» (1827 г.), И.И. Давыдов в «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» (1853 г.), П. Перевлесский в «Практической русской грамматике» (1857 г.), включая в круг причинно-следственных отношения цели, условия, уступки и одноименные соответствующие им придаточные [25, с. 5–6].

Отдельные сведения об интересующих нас значениях и конструкциях находим в работах русских лингвистов XIX – начала XX вв. [2; 4; 8; 22–24].

В историческом синтаксисе русского языка, который, по образному выражению Е.С. Истриной, «начался с Потевни» [13, с. 1], о необходимости комплексного изучения синтаксических конструкций с семантикой обусловленности, возможность применения которого вытекает из сохраняющегося в языке синкретизма значений причины и цели, высказывались с той или иной степенью полноты А.А. Потевня, Е.Ф. Карский, Л.А. Булаховский, С.П. Обнорский и Л.П. Якубинский [5, с. 253–261; 14, с. 49, 65–70; 21, с. 66–68, 118–119; 24, с. 504; 26, с. 254–265]. Б.В. Лавров, анализируя в своей монографии условные и уступительные предложения древнерусского языка, на основании выявленной недифференцированности соответствующих отношений, а также значений причины и цели делает важный вывод об общности судеб придаточных мотивировочного характера [16, с. 39]. В настоящее время синкретичность и комплексность изучаемых значений (без категориаль-

ной дефиниции) признается практически всеми ведущими историками синтаксиса: Т.П. Ломтевым, Э.И. Коротяевой, Я.А. Спринчаком, В.В. Назаретским, В.И. Борковским, А.Н. Стеценко, Р.Д. Кузнецовой, А.А. Припадчевым, авторами академической исторической грамматики.

Комплексный подход к семантике обусловленности в функциональном плане находим в работах многих современных исследователей [7; 9; 11; 12; 17].

Приведем типичный для этих работ вывод: «Проведенное исследование наглядно показало, что изучение семантики условных конструкций тесно связано с анализом того, как соотносятся семантические свойства предложений условных, причинных и уступительных, – условные предложения нельзя изучать локально, сами по себе» [17, с. 1].

Заключительный этап в осмыслении категориального статуса обусловленности напрямую связан с разработкой А.В. Бондарко теории функционально-семантического поля. В монографии «Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии» он утверждает, что «функционально-семантические поля образуют в данном языке на содержательной основе определенные группировки», отмечает, что до сих пор «когда речь шла о полях в грамматике..., приводились лишь отдельные примеры этих полей», и пытается представить систему полей на материале русского языка. В группировке полей с обстоятельственным ядром находим поля причины, цели, условия, уступки, следствия и др. Автор подчеркивает, что все эти поля тесно связаны с предикативными отношениями и что выделяются они «прежде всего на базе группировки сложноподчиненных предложений обстоятельственного типа; вместе с тем аналогичная семантика выражается и средствами простого предложения, на этой базе возникает взаимодействие, проявляющееся в сочетании тех и других средств, в синонимии (при различиях в оттенках языкового содержания)» [3, с. 41, 44].

В наиболее законченном виде трактовка обусловленности как категории эксплицирована в докторской диссертации В.Б. Евтюхина «Категория обусловленности в современном русском языке и вопросы теории синтак-

сических категорий», написанной, как видно из названия, на материале современного русского языка в русле теории функционально-семантических полей. Автор подробно анализирует специфику значений обусловленности, внутреннюю логику соответствующих отношений, поле средств выражения обусловленности, содержательный план этого поля, говорит о сопряжении исследуемых значений со значениями других типов, квалифицирует категорию обусловленности сначала как категорию синтаксического типа и грамматическую, затем – как «бесспорно семантическую категорию языка, как одну из важнейших категорий языкового мышления» [11, с. 188].

В конкретно-языковом отношении категорию обусловленности считаем функционально-семантической.

Функционально-семантическая категория обусловленности – это сложно структурированное образование, план содержания которого составляет общее инвариантное значение обусловленности, вариативно проявляющееся в более частных семантических категориях причины, следствия, условия, уступки и цели, а план выражения представлен средствами, относящимися к различным языковым уровням (лексическому, фразеологическому, словообразовательному, синтаксическому дотекстовому, текстовому, мегатекстовому).

По поводу соотношения значений, составляющих категорию обусловленности, существуют различные точки зрения, причем если в синхроническом плане основной вопрос заключается в том, равноценны ли компоненты, или какой-то из них является доминирующим, то в диахронии считается важным выяснить, какой компонент древнее.

В современной лингвистической литературе представлены три взгляда на систему отношений обусловленности. Наиболее распространен и отражен в трех академических грамматиках и учебниках тот, при котором ни одному из компонентов не приписывается статус содержательного инварианта (хотя имплицитно сам термин «обусловленность», а не «опричиненность», например, наводит на мысль о достаточно значимой семантике условия).

Вторую точку зрения высказывает В.В. Колесов, утверждая, что обусловленность есть род в отношении к видовым категориям

причины, следствия, цели, условия, уступительности, мотивации [15, с. 227].

Согласно третьей точке зрения, центральное место в системе отводится причинно-следственным отношениям («каузальной реляции»), поскольку они представляют собой обусловленность в чистом виде, а остальные составляющие считаются их модификациями [11, с. 63–64].

Нам представляется более справедливым последний подход по следующим причинам. Во-первых, на синтаксическом уровне репертуар способов выражения причинных отношений по сравнению с другими отношениями наиболее обширен [1]. Во-вторых, именно причинным отношениям свойствен синкретизм как с другими значениями обусловленности, так и с семантикой необусловливающей природы. В-третьих, на текстовом уровне явно наблюдается насыщенность текстов указаниями прежде всего на причинную обусловленность, причем способность к дистантной реализации у них значительно выше, чем у других типов указания на обусловленность.

Что касается вопроса о первичности осмысления какого-либо из компонентов категории обусловленности, то мнения ученых также расходятся. В.В. Колесов считает, что условные отношения были осмыслены первыми из всех отношений обусловленности, так как «условные сложные предложения были самыми древними по сложению» [15, с. 30].

Мы считаем первичными причинные отношения. Приведем собственно грамматические доказательства этого положения, которых, по меньшей мере, два. Во-первых, только эти типы значений могли быть выражены беспредложными и предложно-падежными сочетаниями, глагольными формами – то есть средствами простого предложения, появившегося гораздо раньше сложного. Во-вторых, все причинные (и целевые) предлоги по своему происхождению являются пространственными [19, с. 68; 26, с. 255], а условные и уступительные отношения связаны с временными [16, с. 45, 128]. Как известно, «первобытное сознание было способно вначале воспринимать лишь то, что “находится на поверхности”, не вникая глубоко в сущность вещей, в существенные и необходимые связи, лежащие в основе тех или иных процессов и явлений» [20, с. 75], и поэтому

«прежде всего осознаются связи сосуществования в пространстве, затем, в соотношенности с ними, связи временные; в русском языке нет ни одного временного предлога, который по своему происхождению не был бы пространственным» [26, с. 255].

Семантические составляющие категории обусловленности, развиваясь из общего, первоначально нерасчлененного концепта, были тесно связаны друг с другом как по смыслу, так и в плане языкового выражения. Этот внутрикатегориальный синкретизм проявлялся в использовании одних и тех же конструкций для выражения причины и следствия, причины и цели, условия и уступки, условия и причины на протяжении всего изучаемого периода, особенно в древнейших памятниках. Объяснить эти факты можно либо тем, что данные отношения не различались в действительности (что весьма сомнительно), либо тем, что для их выражения была недостаточно развита языковая потенция – это положение декларируется во многих работах по историческому синтаксису.

Возможно, причину синкретизма можно найти в особенностях апперцепции действительности.

В новейших исследованиях понимание рассматривается как особый вид познания: «Исходя из презумпции синтетического характера понимания, можно представить различные формы и уровни человеческой ментальной деятельности как такие ступени и формы, на которых происходит нечто аналогичное “озарению”, разумному схватыванию и соответственно формируются аналогичные образования: все они оказываются в конечном счете вложенными друг в друга, как матрешки» [10, с. 140].

Синкретизм языковых образований зависел и от синкретизма более глобального – синкретичного пространства духа средневековья, которое в разное время «исторгало из себя» философию, религию, науку, искусство.

Реализуя, кроме внутрикатегориального, межкатегориальный синкретизм, категория обусловленности тесно связана с категориями времени, модальности, отрицания, оценки и другими.

В языке категория обусловленности имеет следующие уровни экспликации:

1) лексический – сами понятия «обусловленность», «причина» (в истории языка –

«вина»), «цель», «повод», «основание», «условие» и все сопряженные с ними;

2) фразеологический – идиомы *ни за что ни про что, за прекрасные глаза, из принципа, ни с того ни с сего, от нечего делать* и др.;

3) словообразовательный (имеется в виду роль приставок *с* и *по* в образовании причинных наречий, приставки *на* в образовании наречий цели: *почему, поневоле, спьяну, сдуру, сгоряча, сослепу, назло* и др.);

4) синтаксический дотекстовой – управляемые предложно-падежные и беспредложные формы, примыкающий инфинитив цели, все виды сложных предложений с соответствующей семантикой между частями, причастные и деепричастные обороты с аналогичным значением, в плане языковой диахронии – супин, оборот дательный самостоятельный;

5) текстовой – обуславливающая связь между предложениями в структурно-смысловом блоке и между блоками в тексте; закономерности употребления / неупотребления тех или иных способов выражения обусловленности в текстах различных функционально-семантических типов и жанров; использование способов выражения обусловленности в зависимости от авторской интенции.

Синтаксический дотекстовой и текстовой уровни являются в русском языке для реализации категории обусловленности основными в отношении как количества моделей используемых конструкций, так и разнообразия выражаемых оттенков соответствующих значений.

В плане языковой диахронии мы с учетом особенностей средневековой русской ментальности выделяем также шестой, мегатекстовой, уровень реализации категории обусловленности, понимая под мегатекстом совокупность средневековых письменных текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова, Э. Н. Развитие способов выражения причинности в русской речи нижегородцев XIV–XX вв. (по памятникам письменности) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Акимова Эльвира Николаевна. – Н. Новгород, 1991. – 244 с.

2. Богородицкий, В. А. Общий курс русской грамматики / В. А. Богородицкий. – М. : Соцэкгиз, 1935. – 237 с.
3. Бондарко, А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1983. – 208 с.
4. Будде, Е. Ф. Лекции по истории русского языка / Е. Ф. Будде. – Казань, 1907. – 253 с.
5. Булаховский, Л. А. Исторический комментарий к литературному русскому языку / Л. А. Булаховский. – Киев : Учпедгиз, 1937. – 323 с.
6. Вежицка, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежицка. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – 780 с.
7. Всеволодова, М. В. Причинно-следственные отношения в современном русском языке / М. В. Всеволодова, Т. А. Ященко. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – 142 с.
8. Глаголевский, П. Синтаксис языка русских пословиц / П. Глаголевский – М., 1873. – 48 с.
9. Губанов, А. Р. Отношения обусловленности в разноструктурных языках : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.06, 10.02.01 / Губанов Алексей Рафаилович. – Чебоксары, 1999. – 43 с.
10. Демина, В. А. Трансцендентальность мышления как один из факторов смыслопорождения текста / В. А. Демина // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии : межвуз. сб. науч. ст. – Вып. 1. – Тамбов : Изд-во ТГТУ, 2006. – С. 138–140.
11. Евтюхин, В. Б. Категория обусловленности в современном русском языке и вопросы теории синтаксических категорий / В. Б. Евтюхин. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1997. – 198 с.
12. Егоренкова, Н. А. Семантическая типология предикатов при выражении ситуации причинной обусловленности в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Егоренкова Наталья Андреевна. – СПб., 1996. – 16 с.
13. Истрина, Е. С. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи / Е. С. Истрина // Известия Отделения русского языка и словесности. – Пг., 1919. – Т. 24, кн. 2. – С. 1–172 ; 1921. – Т. 26. – С. 207–239.
14. Карский, Е. Ф. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи / Е. Ф. Карский // Известия Отделения русского языка и литературы АН СССР. – Л., 1929. – Т. 2, кн. 1. – С. 1–75.
15. Колесов, В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. – СПб. : Петерб. востоковедение, 2004. – 240 с.
16. Лавров, Б. В. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке / Б. В. Лавров. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. – 144 с.
17. Латышева, А. Н. Семантика условных предложений: автореф. дис. ... канд филол. наук : 10.02.01 / Латышева Алла Николаевна. – М., 1983. – 24 с.
18. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном сознании / Л. Леви-Брюль. – М. : ГИЗ, 1937. – 543 с.
19. Ломтев, Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка / Т. П. Ломтев. – М. : Изд-во МГУ, 1956. – 596 с.
20. Маслиева, О. В. Становление категории причинности / О. В. Маслиева. – Л. : Наука, 1980. – 105 с.
21. Обнорский, С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода / С. П. Обнорский. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1946. – 198 с.
22. Овсяннико-Куликовский, Д. Н. Синтаксис русского языка / Д. Н. Овсяннико-Куликовский. – СПб. : Изд. Д. Б. Жуковского, 1912. – 312 с.
23. Петерсон, М. Н. Очерк синтаксиса русского языка / М. Н. Петерсон. – М. ; Пг. : ГИЗ, 1923. – 132 с.
24. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – М. : Учпедгиз, 1958. – Т. 1–2. – 536 с.
25. Суровцев, А. Н. Сложноподчиненное предложение с придаточным причины в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Суровцев Александр Николаевич. – М., 1958. – 26 с.
26. Якубинский, Л. П. История древнерусского языка / Л. П. Якубинский. – М. : Учпедгиз, 1953. – 368 с.

CATEGORY OF CONDITIONALITY: STATUS, COMPOSITION, LEVEL OF IMPLEMENTATION

E.N. Akimova

The article examines the genesis, the status of functional-semantic category condition, describes the phenomenon of syncretism, semantic components of the category, sets the levels of explication of conditionality, including those relevant for language diachrony megatext level.

Key words: *category of conditionality, participation, functional-semantic field, syncretism, levels of explication.*